

5. Родин С. Отрекаясь от русского имени. Историческое расследование / С. Родин. – Москва : Крымский мост-9Д, Форум, 2006. – 479 с.
6. Сидоренко С. Украина – Россия: преодоление распада / С. Сидоренко. – Москва : Московский институт права, 2006. – 354 с.
7. Соколов Л. Большой политический процесс русских в Галиции / Л. Соколов. – Режим доступа: <http://alternatio.org/articles/item/1476->, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Ставицкий А. В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации / А. В. Ставицкий. – Севастополь : Рибэст, 2013. – 160 с.
9. Ставицкий А. В. Украинская мифоистория в режиме информационной войны / А. В. Ставицкий. – Севастополь : Рибэст, 2014. – 176 с.
10. Ставицкий А. В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор / А. В. Ставицкий. – Севастополь : Рибэст, 2013. – 208 с.
11. Стариков Н. Кризис: Как это делается? / Н. Стариков. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 304 с.
12. Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины: история о славе, трагедиях и мужестве / Т. Г. Таирова-Яковлева. – Москва : Центрополиграф ; Санкт-Петербург : Русская тройка-СПб., 2011. – 470 с.

References

1. Almazov A. S. *Retsenziya na knigu T. G. Tairovoy-Yakovlevoy «Getmany Ukrainy: istoriya o slave, tragediakh i muzhestve»* [Book Review T. G. Tairova-Yakovleva "Hetman of Ukraine: history of glory, tragedy and courage"]. Available at: <http://www.worldhist.ru/library/review/434/9785/>.
2. Yermolaev A. *Natsiya bez natsionalnoy demokrati ili Borba za vtoruyu nezavisimost* [A nation without a national democracy or the fight for second independence] Available at: <http://www.sofia.com.ua/page18.html>.
3. Kuchma L. D. *Ukraina – ne Rossia* [Ukraine – not Russia], Moscow, Vremya Publ., 2004. 560 p.
4. Pushkin A. S. *Poltava* [Poltava], Moscow, 1963, vol. IV, pp. 251–310.
5. Rodin S. *Otrekayas ot russkogo imeni. Istoricheskoe rassledovanie* [Renouncing the Russian name. Historical Investigation], Moscow, Krymskiy metod-9D Publ., Forum Publ., 2006. 479 p.
6. Sidorenko S. *Ukraina – Rossia: preodolenie raspada* [Ukraine – Russia: Bridging the decay], Moscow, Moscow Institute of Law Publ. House, 2006. 354 p.
7. Sokolov L. *Bolshoy politicheskyy protsess russkikh v Galitsii* [Big Russian political process in Galicia]. Available at: <http://alternatio.org/articles/item/1476->.
8. Stavitskiy A. *Ukrainskaya identichnost: obshchie podkhody konstruirovaniya i mifologizatsii* [Ukrainian identity: a common approach of designing and mythologizing], Sevastopol, Ribest Publ., 2014. 160 p.
9. Stavitskiy A. *Ukrainskaya mifoistoriya v rezhime informatsionnoy voyny* [Ukrainian myth-history in the mode of information war] Sevastopol, Ribest Publ., 2014. 176 p.
10. Stavitskiy A. *Ukrainskaya "elita": identichnost i globalnyy vybor* [Ukrainian "elite": identity and global choice], Sevastopol, Ribest Publ., 2014. 208 p.
11. Starikov N. *Krizis: kak eto delaetsya?* [Crisis: How is it done?], Saint Petersburg, Piter Publ., 2010. 304 p.
12. Tairova-Yakovleva T. *Getmany Ukrainy: istoriya o slave, tragediakh i muzhestve* [Hetman of Ukraine: history of glory, tragedy and courage], Moscow, Tsentropoligraf Publ., Saint Petersburg, Russkaya troika-SPb., 2011. 470 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ: ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Аласания Кира Юрьевна, кандидат политических наук, доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: alasaniank@yandex.ru

В статье рассматривается постмодернистская концепция гиперреальности в контексте политического. Особый интерес представляет рассмотрение данной концепции применительно

к реально существующему государству – США. В статье проанализированы работы известных постмодернистских философов Умберто Эко и Жана Бодрийяра, выявлены параллели в восприятии феномена политической гиперреальности, показаны отличия в интерпретации данного понятия.

Ключевые слова: гиперреальность, постмодернизм, политика, власть, государство, идеология, симуляция, подделка, копия, оригинал, истина, культура

**POLITICAL HYPERREALITY:
THE IMAGE OF AMERICA IN POSTMODERNISM**

Alasaniya Kira Yu., Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27 Lomonosovskiy ave., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: alasaniam@mail.ru

The article examines a postmodernist concept of hyperreality in the political context. A specific interest is connected with analyzing this concept in terms of the real state – the United States of America. The works of the outstanding postmodernist philosophers Umberto Eco and Jean Baudrillard are examined in the text of the article. The parallelisms in interpreting the phenomenon of political hyperreality by these two authors are revealed; the differences in their understanding of this notion are shown.

Keywords: hyperreality, postmodernism, politics, power, state, ideology, simulation, fake, copy, original, truth, culture

Одной из основных претензий, предъявляемых к постмодернизму, является оторванность принципов, артикулируемых в рамках этого направления, от действительности. В частности, речь идет о критике отсутствия практической политической ориентации в постмодернизме. Подобные замечания можно встретить, к примеру, в работах Р. Рорти. Критики полагают, что теоретические основания, предлагаемые философами-постмодернистами, совершенно не применимы к осмыслению основных политических понятий, таких как, например, власть, государство, идеология. Многие подобные замечания, действительно, казались вполне обоснованными еще десять-пятнадцать лет назад. Однако то, что происходит в мире сегодня, заставляет задуматься о степени применимости постмодернистских концепций к анализу политики.

К числу таких спорных вопросов относится концепция гиперреальности, которая является чрезвычайно важной в постмодернистской философии. Авторство термина «гиперреальность» принадлежит, как известно, Жану Бодрийяру. В 1972 г. в книге «Символический обмен и смерть» Бодрийяр применяет этот термин для обозначения совокупности взаимодействия симулякров, которые представляют собой знаковую репрезентацию, лишенную реальной идеи, действительного смысла [1, с. 26, 27]. Таким образом, в бодрийяровском понимании гиперреальность есть состояние мира, в котором утрачена идея истинного.

Однако в философии постмодерна существует другая трактовка этого термина, принадлежащая У. Эко. В интерпретации итальянского мыслителя гиперреальность предстает в качестве феномена культуры в самом широком понимании. Понятие «культура» в трактовке Эко включает в себя все области человеческой деятельности и, разумеется, человеческой мысли. В связи с этим любая сфера жизни человека – искусство, наука, экономика, политика – могут быть охарактеризованы при помощи понятия «гиперреальность». Действительность постмодерна (который воспринимается итальянским философом как состояние культуры) гиперреальна, следовательно, любая сфера человеческой жизни (включая политическую) существует только в гиперреальности. Гиперреальность при этом трактуется как мир, в котором отказались от оригиналов (идей) при их наличии.

Итак, перед нами два понимания термина «гиперреальность» – бодрийяровская симулятивная реальность, в которой нет места истинной идее (идее истины), и дейст-

вительность Эко, в которой люди сознательно избегают оригинального (настоящего), предпочитая «подделки», то есть заведомо ложные идеи и смыслы. Интересно, что оба подхода философы иллюстрируют, размышляя о реально существующем государстве – Соединенных Штатах Америки.

В знаменитой работе У. Эко «Путешествия по гиперреальности» (1986) Америка предстает в качестве идеального образца гиперреального государства. Посещая обязательные для туриста места, описывая их, автор делает вывод о том, что Америка – особая страна, прежде всего потому, что она с готовностью воспринимает все искусственное, ненастоящее.

Мыслительное путешествие Эко начинается с парадоксального, на первый взгляд, утверждения о том, что такое технологическое достижение, как голография, пользуется невероятным успехом в Америке потому, что эта страна просто «поглощена идеей реализма» [5, р. 4]. Реализм этот совершенно особого толка. Чтобы какой-то образ был воспринят, понят, публике должна быть представлена совершенная, безупречная модель – «настоящая» копия реального образа [5, р. 4]. Действительно, голографическое изображение точно повторяет оригинал. Более того, на голограмме не различить изъянов изображаемого объекта. Есть, правда, один нюанс: голограмма не является оригиналом.

Еще более репрезентативным является пример, связанный с политической историей Америки. При выходе из музея Нью-Йорка (the Museum of the City of New York) автор отмечает, что наряду с открытками, посетители могут приобрести репродукции исторических документов от акта о продаже Манхэттена до Декларации независимости США. Все факсимиле исключительно хорошо сделаны, от них веет стариной. Однако Эко дает небольшую ремарку: оригинал акта, написанный красивыми старинными английскими буквами, был составлен на датском языке.

В данном случае копия не просто внешне лучше оригинала. Благодаря подобным факсимиле гораздо большее число граждан страны, интересующихся своей историей, а также иностранцев, приехавших в Америку, смогут понять смысл важного исторического документа. Достоинств у такого документа даже больше, чем у обычного факсимиле. Только в этом случае картинка с надписями на английском языке перестает быть просто копией, а оказывается копией без оригинала.

Можно было бы предположить, что страсть американцев ко всему красивому (идеальному), но ненастоящему (неистинному), – это лишь частное мнение одного европейского философа, который, к тому же, всегда отличался ироничным стилем повествования. Однако к середине эссе об Америке Эко становится все более сосредоточенным, даже мрачным. Особенно серьезно и подробно он говорит о таком феномене американской жизни, как Диснейленд.

Собственно Диснейленд, по мнению Эко, есть апофеоз гиперреальности. Размышляя о феномене «поддельной страны», выдуманной Уолтом Диснеем, автор цитирует французского философа и семиотика Луи Марена, который называл Диснейленд «вырождающейся утопией» («вырождающаяся утопия есть идеология, представленная в форме мифа») [5, р. 43].

Уолт Дисней, который смог исполнить свою мечту, создать мир фантазии, которая выглядит реальнее, чем жизнь, восхищает и одновременно, кажется, пугает Эко. Иллюзия, которая живет как реальный объект, вызывает, по меньшей мере, легкое замешательство. Диснейленд – идеальная, выдуманная страна, которая существует. Это миф, который ожил. Это государство, которое имеет свою идеологию. И эта идеология – «идеология гиперреальности».

Если трактовать идеологию как совокупность принципов, объясняющих действительность, то «идеология гиперреальности», «идеология Диснейленда», «идеология имитации» выступает наилучшим инструментом для этого. Эко пишет, что благодаря именно такой идеологии Америка может чувствовать себя уверенно («утверждаться через Имитацию») [5, р. 57]. Вопрос, который неизбежно возникает в данном контек-

сте, связан с тем, что именно позволяет этой идеологии господствовать. Эко связывает возможность существования такой идеологии с феноменом потребления.

Дело в том, что все подделки, имитации, которые описывает Эко – это, прежде всего, продукты, предназначенные для продажи (будь то упомянутые выше факсимиле государственных документов или просто билеты в Диснейленд). Рядовой американец всегда рад получить подтверждение собственного статуса – социального, политического, экономического. За то, чтобы получить дополнительную уверенность, можно и заплатить. По мнению итальянского философа, эта схема работает безупречно. Эко пишет: «Идеология надежно защищена прибылью, поскольку потребитель готов воспринимать любые эмоциональные встряски, вызванные как приятными, так и крайне негативными событиями» [5, р. 57]. Диснейленд дает возможность прикоснуться к ожившим воплощениям Добра и Зла, испытать желаемые эмоции. В своей простоте и доступности он прекрасен и вместе с тем опасен. Возможность в любой момент получить какую-то эмоцию, придя за этим в искусственно созданный мир, превращает людей в роботов. Отдавая предпочтение копии при наличии оригинала, человек теряет ориентиры и, в итоге, смысл существования, поскольку не понимает, где истина, а где ложь. В этом и состоит главная опасность гиперреальности в понимании Эко.

У Жана Бодрийера понятие «гиперреальность» вообще не предполагает наличия оригинала. Знаменитая бодрийеровская концепция симуляции определяется как раз через понятие гиперреальности: «Симуляция – это <...> порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [3, с. 16]. В работе «Симулякры и симуляция», где появляется это определение, есть множество параллелей с исследуемой работой Умберто Эко.

Прежде всего, это обращение к реалиям современной философии жизни, начиная от голограмм и заканчивая все тем же парком развлечений – Диснейлендом. Однако надо отметить, что в своем сочинении Бодрийер в значительно большей степени, чем Эко, концентрируется на социальных и политических аспектах рассматриваемых явлений. В частности, Бодрийер точнее формулирует причину, по которой именно Диснейленд является столь притягательным местом для посетителей и увлекательным объектом для философских размышлений: «Но что притягивает толпы посетителей гораздо больше, так это социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниатюризированной реальной Америкой со всеми ее бедами и радостями» [3, с. 30]. Бодрийер называет Диснейленд «объективным контуром Америки» [3, с. 31], и это утверждение, несомненно, требует расшифровки.

По мнению Бодрийера, в Диснейленде в форме мультфильма отражены все ценности американского общества. В таком положении вещей, на первый взгляд, нет ничего необычного. Национальные ценности не могут быть оторваны от культуры. Очевидно, что если история культуры нации является продолжительной, то можно говорить о мифах или сказках, идущих из глубины веков и цементирующих ментальность нации, а, значит, и ценностную ориентацию народа. В случае, когда государство молодо, мифология, определяющая ценности будет соответствующей. Однако французский философ усматривает в данной ситуации довольно серьезную проблему. «Диснейленд, – полагает Бодрийер, – считается воображаемым для того, чтобы заставить поверить, что все остальное реально, в то время как <...> окружающая его Америка больше не реальна, а принадлежит порядку гиперреального и симуляции» [3, с. 16]. Диснейленд – это не идеология. Идеология, по убеждению Бодрийера, есть хоть и ложная, но репрезентация реальности (как подделка у Эко). Диснейленд – это способ «скрыть, что реальное больше не реально» и «спасти принцип реальности» [3, с. 16]. Для Бодрийера это принципиально важный момент. «Спасать принцип реальности» необходимо, чтобы не обнаружилось главное – потеря оригинала, то есть истины.

Все явления реального, утратив истинную сущность, идею, приобрели лишь одно свойство – перетекать из одной сферы в другую, не имея собственного места, позиции структуры. Именно поэтому, по Бодрийяру, в гиперреальном пространстве следует говорить не о политике, а о «трансполитике» – которая существует повсюду, но утрачивает собственно черты политического. В частности, это свойство трансполитики проявляется в изменении отношений между властью и человеком.

Власть в реальности представляется силой, которая предполагает сопротивление. Власть в гиперреальности оказывается дезорганизованной и бессильной по определению. Ведь если мир лишен ориентиров, то функция давления, навязывания целей и ценностей (одна из важнейших функций политического) не выполняется. Власть может лишь инсценировать что-то (наличие оппозиции, свое собственное убийство) «лишь бы отыскать проблеск существования и легитимности» [3, с. 40].

Здесь перед читателем снова возникает вопрос о том, может ли данная позиция применяться к осмыслению политического, и если может, то каким образом. Французский философ размышляет над данными вопросами в другом своем знаменитом эссе под названием «Америка».

Бодрийяр говорит о специфике американского государственного уклада, противопоставляя его европейской модели. Мыслитель полагает, что действия власти в Соединенных Штатах имеют дифференцированный характер по причине того, что в процессе управления государством нельзя не брать во внимание разнородность самого американского общества. В сущности, задача формального политического центра (поскольку в данном контексте центр власти является в большой степени формальным) заключается в том, чтобы подобрать или одобрить технику власти, которая будет эффективной для определенного штата.

Объяснение властной практики, действующей в Новом Свете, следует искать в особенностях зарождения американского государства. По мнению Бодрийяра, Америка развивалась далеко от Старой Европы с ее устоявшимися правилами политической власти, идеями государственности, и перенять европейский стиль управления не представлялось возможным. Учитывая специфику жителей, населяющих североамериканский континент в начале формирования государства, правила политики, бытующие в Старом Свете, оказались во многом неприемлемыми. Так, отдаленность Америки обусловила ее свободу, определила сознание ее жителей и в результате сказалась на особенностях государственного управления. Бодрийяр замечает, что концепция свободы в сознании европейца несопоставима с «пространственной и подвижной» свободой американца, являющейся следствием его освобождения от «исторической привязанности к центру» [2, с. 156].

Американский федерализм складывался с учетом описанных выше факторов. Нынешняя политическая действительность Америки с ее иногда абсурдными (с точки зрения европейца) законами связана с необходимостью нахождения форм управления, несколько отличных от политических принципов, по которым существует европейское общество.

Очевидно, что это противопоставление чрезвычайно напоминает противостояние собственно концепта современности и постсовременности, где Европа есть воплощение ценностей эпохи Модерна, а Америка – Постмодерна. В частности, этот контраст просматривается, когда философ говорит о том, что «в сфере политики от первоначальной децентрации навсегда останется федерализм. <...> В Соединенных Штатах нет неразрешимой проблемы федерации <...>, поскольку американцы с самого начала представляли собой культуру, соединившую все национальные и расовые особенности, соперничество и разнородность» [2, с. 156, 157]. В то время как у европейцев, тяготеющих к идее единого центра, неизбежно возникают проблемы. Противоречие связано, очевидно, с тем, что желание создать организм, управляющийся из единого центра, наталкивается на невозможность преодолеть рамки национального, свойственного ка-

ждому из западноевропейских государств. Заметим, что подобное наблюдение было сформулировано в работе Бодрийера, датированной 1990 г.

Философ полагает, что залогом именно такого типа политического существования является «принцип воплощенной утопии» [2, с. 159]. Этот принцип обеспечивает американцам совершенно иное восприятие реальности. То, что кажется невозможным европейцу, для американца – норма. Благодаря действию этого же принципа, способы осмысления реальности разнятся также у европейцев и у американцев. Для американца, – пишет Бодрийер, – важно не осмысливать реальность, но реализовывать понятие, материализовывать идеи» [2, с. 160]. Практичность, возведенная в абсолют, – вот залог функционирования гиперреальности. Идея – истинная она или ложная – заслуживает внимания только потому, что она может быть реализована.

Вместе с тем Бодрийер подчеркивает еще одну важнейшую черту гиперреальной Америки. Реализованные идеи должны быть продемонстрированы. Отличительная черта американского общества – самореклама. Здесь наблюдения Бодрийера снова пересекаются с «туристическими заметками» Эко. Американский флаг, который можно встретить повсюду, является ярким примером такой рекламы. Французский философ дает ему исключительно меткое определение «лейбл самого прекрасного, преуспевающего предприятия: США» [2, с. 161].

Позиции Эко и Бодрийера пересекаются – власть в гиперреальности становится частью всепоглощающей рекламной кампании. Однако для Эко это, скорее, симптом болезненной слабости «эпохи Пост», который поддается лечению. Бодрийер же не видит возможности возвращения к истинным, оригинальным идеям, наполнявшим мир социального и политического прежде.

В заключение следует сказать о том, что Америка в представлении европейских философов-постмодернистов является не просто государством, отличающимся от государств Европы стилем правления, стилем политического мышления, но настоящим постмодернистским концептом. Одним из ключевых понятий, характеризующих данный концепт, оказывается «гиперреальность».

Конечно, гиперреальность является парадоксальным понятием (как и многое в постмодернизме). С одной стороны, это неистинная, симулятивная, поддельная действительность, благодаря которой маскируется что-то, что необходимо скрыть. С другой стороны, по тем усилиям, которые прилагаются для того, чтобы скрыть что-то важное, можно понять, что именно необходимо скрыть.

Позиция Жана Бодрийера в данном случае является наиболее радикальной: он считает, что гиперреальные образы скрывают тот факт, что в эпоху постсовременности истина безвозвратно утеряна, подлинник утрачен и никогда не будет обретен. Умберто Эко, рассуждая об Америке, затрагивает практически те же аспекты, что и Бодрийер, но он не настолько категоричен в суждениях о потерянной истине.

Итальянский мыслитель утверждает, что гиперреальность, в которой существует Америка – это осознанный выбор. Возможно, это маскировка, созданная властью для собственной легитимации. Возможно, это и не маскировка вовсе. Просто парадоксальная идея создания копии, которая была бы лучше оригинала, оказалась чрезвычайно востребованной именно в американском обществе. Эко объясняет этот факт культурными и ментальными особенностями американцев.

Несмотря на разницу в трактовке феномена гиперреальности, философы раскрывают совершенно особый образ Америки. Самое ценное, что многие тезисы, сформулированные мыслителями несколько десятков лет назад, остаются актуальными сегодня. Конечно, изменить существующее положение дел в мировой политике в одночасье невозможно. Но можно предпринять попытку объяснить логику происходящего, не пренебрегая постмодернистским подходом в осмыслении политического.

Список литературы

1. Аласания К. Ю. Гиперреальность политическая / К. Ю. Аласания // *Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь : учебное пособие / под общ. ред. Е. Н. Моцелкова*. – Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 248 с.
2. Бодрийяр Ж. Америка : пер. с фр. / Ж. Бодрийяр ; пер. Д. Калугина. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. – 206 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция : пер. с фр. / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печёнкина. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 209 с.
4. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века : пер. с англ. / Р. Рорти ; пер. И. В. Хестановой, Р. З. Херстановой. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1998. – 128 с.
5. Eco U. *Travels in Hyperreality. Essays* / U. Eco. – New York : Harcourt Brace and Company Publ., 1986. – 310 p.

References

1. Alasaniya K. Yu. *Giperrealnost politicheskaya* [Political hyperreality]. *Filosofiya politiki i prava. 100 osnovnykh ponyatiy. Slovar* [Philosophy of Politics and Law. 100 Basic Concepts. Dictionary], Pushkino, Tsentr strategicheskoy konyunktury Publ., 2014. 248 p.
2. Bodriyyar Zh. *Amerika* [America], Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2000. 206 p.
3. Bodriyyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation], Tula, Tul'skiy poligrafist Publ., 2013. 209 p.
4. Rorti R. *Obretaya nashu stranu: politika levyykh v Amerike XX veka* [Finding our country: the policy of the left in America XX century], Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ., 1998. 128 p.
5. Eco U. *Travels in Hyperreality. Essays*, New York, Harcourt Brace and Company Publ., 1986. 310 p.

**«МЯГКАЯ» И «УМНАЯ» СИЛА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ:
ПОИСК ПРИОРИТЕТОВ**

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7

Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова
190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1
E-mail: nicbar@mail.ru

В начале XXI в. произошла смена приоритетов в международной политике: мягкая сила как предпочтительный вариант влияния на другие страны и народы стала чередоваться с жесткой силой, связанной с применением традиционных силовых мер воздействия. Такой симбиоз получил название «умной силы», включающей в себя широкий набор инструментов внешнеполитического влияния: дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные. Применение данных инструментов может быть как отдельным, так и в совокупности. Российская Федерация в своей политике использует как мягкую, так и жесткую силу, отдавая приоритет мягкой силе в будущем.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, твердая сила, умная сила, Джозеф Най

**«SOFT» AND «CLEVER» FORCE IN THE MODERN POLICY:
SEARCH OF PRIORITIES**

Baranov Nikolay A., D.Sc. (Political Sciences), Professor

Saint Petersburg State University
7 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation